

Автобиография Владимира Михайловича Бехтерева

Vladimir Mikhailovich Bekhterev's autobiography

Часть 1 / Part I

Предисловие

Автобиография любого ученого привлекает особое внимание исследователей его творчества. Что касается полной «Автобиографии» В.М. Бехтерева, то она была впервые издана в сокращенном варианте только в 1927 году, а ее полный текст был опубликован акционерным издательским обществом «Огонек» в 1928 году, уже после кончины Владимира Михайловича. В 1994 г. автобиография была переиздана в «Избранных трудах В.М. Бехтерева» под редакцией академика А.Г. Чучалина (Москва, Поматур, 1994, Т. 1, с. 21–44).

Но в 1927 г. в Германии вышла автобиография В.М. Бехтерева под редакцией профессора L.R. Grote из университета в Halle — нечто особенное и мало кому известное. В ней Владимир Михайлович излагает только результаты своих достижений в науке. В настоящее время НИПНИ им. В.М. Бехтерева готовит публикацию этой работы В.М. Бехтерева на русском языке.

В мемориальном музее В.М. Бехтерева, который составляет одно из подразделений НИПНИ им. В.М. Бехтерева, хранится автобиография Бехтерева (фонд I, ед. хр. 225), ранее не издававшаяся и написанная примерно в 1893 г. Мы определяем эту дату исключительно по тексту, который заканчивается завершением работы Владимира Михайловича в Казани. Текст напечатан на двойных листах бумаги, желтоватого цвета, по краям более интенсивного от времени, размером 353 мм × 225 мм, на пишущей машинке, в которой еще присутствуют буквы «i» и «ять». В тот период В.М. Бехтереву было 36 лет. Публикуемая автобиография, сохраняя основную фабулу официально изданной в 1928 г., содержит много фактов, которые ранее не могли быть опубликованы.

*Хранитель Музея им. В.М. Бехтерева,
Ученый секретарь института, д.м.н.
М.А. Акименко*

Родился я в с. Соралах, Елабужского уезда, Вятской губернии 22 января 1857 года. Детство свое провел при своей семье, состоявшей из трех братьев и родителей и перекочевывавшей, в силу служебных перемещений отца, из Вятки в уезды Вятской губернии и обратно. Впрочем, раза два родители оставляли меня подолгу у родных, живших в уездных городах Вятской губернии. Отец мой умер от чахотки, когда мне было еще 9 лет; после его смерти семья наша навсегда поселилась в г. Вятке, где имелся дом, дававший лишь небольшой доход — главный денежный ресурс всей нашей семьи.

Спустя год после незначительной домашней подготовки я был отдан во второй класс Вятской гимназии. Последнюю я проходил успешно и получал вообще хорошие отметки, переходя из класса в класс в большинстве случаев без экзамена.

Впрочем, я не прилагал больших стараний к гимназическим занятиям. Особенно это должно

сказать по отношению к двум старшим классам — шестому и седьмому, в период прохождения которых во мне пробудилась потребность к чтению посторонних книг.

Следует заметить, что гимназия в наше время еще не знала греческого языка и вообще не обременяла учеников уроками так, как в настоящее время. Тем не менее она мало привлекала к себе симпатий своих учеников и почти не вселяла в последних любовь к знаниям, а скорее производила на них противоположное действие.

В воспоминании моем до сих пор воскресают картины классных гимназических занятий, когда вместо переводов с латинского или французского языка почти весь класс, составив предварительно парты таким образом, чтобы не существовало между ними проходов, занимался преоригинальнейшей музыкой на сломанных стальных перьях, воткнутых в парты, когда на стенах классов начинали, по мановению сидевших сзади учеников, ходить в разные стороны большие стенные карты, когда к ногам учителя летели: мел, заячьи лапки для стирания и даже — о, ужас! — редька в больших кусках, валенки, снятые с ног, и чернильницы с их содержимым. Учитель, конечно, приходил в ярость, но часто сам боялся докладывать директору о беспорядках в классе, да и доклады эти обыкновенно не приводили ни к чему: виновники большею частью оставались неразысканными и в следующие дни еще более напрягали свою энергию и остроумие в изобретении шалостей.

Без сомнения, так дело велось только у некоторых учителей, у других, напротив того, все обстояло и чинно, и строго, но зато почти все наши учителя нас не учили, а лишь задавали уроки и затем спрашивали. Устное разъяснение урока мы слышали только от некоторых учителей, а рассказ учителя, выходящий за пределы краткого учебника, составлял в гимназии вообще крайне редкое явление. При этих условиях самое главное, что нас спасало от невежества, это некоторый остаток свободного от гимназических занятий времени, который мы, по инстинктивному влечению, в особенности в старших классах гимназии, посвящали чтению посторонних книг.

В этот период времени в особенности я увлекался сочинениями естественнонаучного характера и перечитывал решительно весь имевшийся запас их (в общем довольно значительный) в местной публичной библиотеке. Результатом этого увлечения было то, что еще в бытность мою в гимназии самую дорожную для меня мечтою было сделаться в будущем естествоведом.

При переходе в седьмой класс гимназии, когда эта мечта была уже близка к осуществлению, довольно неожиданно для нас всех пришло известие о введении в гимназиях восьмого класса, и уже гимназисты, шедшие годом впереди меня, вместо выпуска, по прохождении семи классов гимназии, должны были остаться на восьмой год, нас же, семиклассников, поместили вместе с ними.

Таким образом, преподавание происходило в одном помещении как для седьмого, так и для восьмого класса и, разумеется, было общим. Это обстоятельство сразу уронило значение реформы в наших глазах, так как мы убедились воочию, что от прибавления восьмого класса мы не могли приобрести новых знаний, а должны были потратить целый год на повторение пройденного, в котором, кроме отрывочных сведений, содержалось так много никому не нужного умственного балласта.

Вместе с введением 8-го класса в гимназию пришел и достопамятный циркуляр о введении аттестатов зрелости вместо прежних выпускных свидетельств, выдаваемых из гимназии. Циркуляр, конечно, всех нас заставил призадуматься. Да и было из-за чего. В первый же год по введению реформы из всех учеников 8-го класса нашей гимназии получил аттестат зрелости только 1 ученик, считавшийся первым, все остальные гимназисты 8-го класса не удовлетворили экзаменационным требованиям и были признаны таким образом «незрелыми», несмотря на то, что весь восьмой год был посвящен ими повторению старого.¹

Из этих результатов испытаний на аттестат зрелости мы убедились, что нам не только предстояло бесплодно терять лишний год в восьмом классе гимназии, но еще и должны были предвидеть весьма вероятную возможность засесть в нем на два года, не говоря уже об риске не выдержать все испытания на аттестат зрелости, что благодаря необычайной строгости испытаний представлялось вполне возможным и что действительно и случилось с некоторыми из наших сверстников.

Между тем летом 1873 года, когда мы уже перешли в восьмой класс гимназии, в газетах появилось объявление от Медико-Хирургической Академии² о приеме в нее до 1 сентября не только лиц, получивших аттестат зрелости, но и гимназистов, перешедших в восьмой класс гимназии по выдержании ими удовлетворительного испытания при самой Академии. Как сейчас помню, объявление это было опубликовано в столичных газетах от 13 августа, а так как в Вятку из Петербурга почта приходит на седьмой день, то объявление у нас появилось лишь 19 августа.

Оно тотчас же было замечено некоторыми из товарищей, и уже на другой день весть о нем быстро разнеслась между гимназистами.

Я узнал о приеме в Академию гимназистов, перешедших в восьмой класс, совершенно случайно при разговоре с товарищами, намеревавшимися на основании этого объявления ехать в Академию. Таковых оказалось всего четыре человека, считая в том числе и меня. Должен признаться, что об Академии и преподаваемых в ней науках я имел в то время крайне смутное представление, чтобы не сказать никакого. Тем не менее было крайне тяжело оставаться в гимназии еще целый год, корпя

над теми обрывками знаний, а подчас и хламом, с которыми мы возились уже в течение семи лет. К тому же при тех положительно непосильных для гимназистов нашего времени требованиях на аттестат зрелости, которые предъявлялись в первые годы реформы, почти значило готовить себя впрямь на провал на экзаменах.

На этом основании я решился ехать в Академию, мечтая в тайне перебраться затем из Академии в Университет на естественное отделение физико-математического факультета, в случае если бы занятия в Академии меня не удовлетворили. Конечно, на всех нас, осмелившихся думать об Академии раньше окончания курса гимназии и избежавших таким образом получения столь ценной в глазах гимназического начальства бумажки, именуемой аттестатом зрелости, многие из учителей смотрели косо и при удобном случае вышучивали нас перед нашими сверстниками. Мы понимали, конечно, что в случае неудачи при поступлении в Академию возврат в прежнюю гимназию для нас был почти невозможен. Тем не менее мы остались искренно благодарны гимназическому начальству за то, что наши бумаги были выданы нам без всякого промедления.

Последнее обстоятельство представлялось для нас в высшей степени важным, и вот почему. Так как Академия объявила прием только до 1 сентября и так как всего пути от Вятки до Петербурга пароходами (по рекам Вятке, Каме и Волге) и железной дорогой (от Нижнего) ровно семь дней, то мы могли рассчитывать на успех при том лишь условии, если выедем из Вятки не позже 23 августа.

На наше счастье, пароход именно и отходил из Вятки 23 августа. В нашем распоряжении, таким образом, было всего два дня, во время которых нужно было обдумать решение, склонить в пользу его своих родителей, выхлопотать бумаги из гимназии и собраться в дорогу. Все это было сделано впопыхах, и 23 августа трое из нас сели на пароход,³ который и отвалил от берега около шести часов вечера. Четвертый наш товарищ к отходу парохода не прибыл, и мы решили, что он изменил свое намерение.

Сидя на пароходе, разумеется, далеко еще не чувствовали себя успокоенными. Не говоря о предстоявших экзаменах при Академии, характер которых для нас оставался неизвестным, мы рисковали не доехать к сроку до Петербурга. Дело в том, что в августе месяце по реке Вятке бывает сильное мелководье, и пароход каждую минуту рискует прочно засесть на мель.

И действительно, не успели мы отъехать от города 2-х верст, как пароход наш уткнулся в песок и мы застряли на мели. К счастью нашему, мы снялись с мели довольно быстро, простояв на месте не более нескольких часов, и таким образом отделались только страхом. Для четвертого же нашего товарища это непродолжительное сидение на мели оказалось весьма желательным событием: опоздав с четверть часа к отходу парохода от пристани, он рискнул нанять лодку, рассчитав безошибочно, что пароход сядет на мель и ему удастся

¹ Справедливость требует заметить, что в первый год по введении аттестатов зрелости рядом с гимназистами, прошедшими 8 классов, было предоставлено право держать выпускной экзамен также двум первым ученикам нашего класса, которые и выдержали испытание успешно. Таким образом, в первый год по введению аттестатов зрелости наша гимназия выпустила всего трех учеников.

² Ныне Военно-Медицинской.

³ Пароходство на р. Вятке в то время еще только что зачиналось и не было ежедневным, как теперь, а совершалось чуть ли не два раза в неделю.

его догнать на лодке, что и оправдалось на самом деле.

Между всеми товарищами, ехавшими вместе со мною в Академию, я имел то неблагоприятное условие, что мне было тогда всего 16 лет и 7 месяцев, тогда как по общему закону в высшее заведение принимались тогда, как и теперь, лица, которым уже исполнилось 17 лет. Ввиду этого я не мог рассчитывать поступить в Академию действительным студентом и решил на первое время записаться вольнослушателем с тем, конечно, условием, чтобы на следующий год перейти в действительные студенты. Мне, конечно, приходила в голову мысль, что, разрешив прием гимназистов 8-го класса в 1873 году, Академия может отменить это правило для следующего года, и тогда, пожалуй, мне нельзя будет без аттестата зрелости перейти из вольнослушателей в действительные студенты; ввиду этого я много раз советовался по этому поводу со старшими меня лицами, но все решали, что этого быть не может, так как «закон обратного действия не имеет». Эти заявления подействовали на меня так успокоительно, что более я уже не думал, что, поступив в Академию вольным слушателем, я не буду принят в нее действительным студентом через год.

В Петербург мы приехали праздничным днем 30-го августа. Следующий же день, 31 августа, был последним днем подачи прошений в Академию. Должно заметить, что в 1873 г., благодаря вышеупомянутому объявлению, съехались в Петербург для поступления в Академию из различных концов Российского государства до 700 с лишком человек. Между тем Академия, желавшая пополнить свои тогда только что еще отстроенные обширные аудитории, рассчитывала на прием не более 500 человек, на каковое число и были заготовлены в Канцелярии Академии приемные бланки.

31-го августа в 10-м часу утра я уже стоял перед дверьми актов залы Академии среди толпы человек в 200, подобно мне желавших поступления в Академию. Ровно в 10 часов прошел между нами в залу ученый секретарь, профессор Ландцерт, за которым вошли в залу и мы; тотчас же дверь за нами захлопнулась, и кем-то отдано приказание более никого не впускать. Когда дошла до меня очередь, я подошел к столу, за которым сидел проф. Ландцерт, и подал ему свои бумаги с метрикою; посмотрев последнюю, ученый секретарь мне объяснил, что по недостатку лет я не могу рассчитывать на поступление в Академию действительным студентом. Когда я заметил, что я в прошении заявляю желание поступить вольнослушателем, то мне было предложено обратиться с этим непосредственно к г. Начальнику Академии, которым в то время состоял г. Чистович. Я вышел из залы и позвонил к Начальнику, передал через его слугу прошение на вольнослушателя. К моему удивлению, слуга вернулся от Начальника с заявлением, что Его Превосходительство не принимают прошения и велели обратиться к ученому секретарю. Оставаясь в недоумении относительно смысла этого ответа, я заявил слуге, что у ученого секретаря я уже был и там в приеме мне было отказано, поэтому я снова прошу его отнести мое прошение к г. Начальнику и объяснить ему в чем дело. Через

несколько минут выходит ко мне сам г. Чистович и с видом теплого сердечного участия заявляет, что мне не следует поступать вольнослушателем, что нынешние правила поступления действительны только на один год, а на следующий год условия приема будут уже иные, потребуются аттестат зрелости, и потому, если бы я вздумал теперь поступить вольнослушателем, я бы не мог рассчитывать на поступление в действительные студенты в следующем году.

Эти слова меня поразили как громом, так как по недостатку лет я не мог рассчитывать поступить действительным студентом, о чем и заявил сейчас же Начальнику Академии. Последний, однако, ободрил меня замечанием, что 5–6 месяцев мне могут подарить, и предложил мне снова адресоваться к ученому секретарю, но с прошением уже на действительного студента.

Несмотря на эти одобрительные замечания г. Начальника Академии, я не мог чувствовать себя спокойным, потому что проф. Ландцерт, с которым он отнесся ко мне, когда я был у него с прошением в первый раз, я уже чувствовал, что им, по крайней мере, несколько месяцев мне подарены не будут; да и как пробраться в актовую залу, двери которой, будучи запертыми на ключ, отпирались только для выходящих из залы, но не для входящих в нее.

Много передумав за тот короткий путь, который отделял квартиру г. Начальника (помещавшуюся там же, где она помещается и теперь) от актов залы, и подойдя к запертым дверям последней, я действительно убедился, что проникнуть в залу не было никакой возможности. Единственным утешением для меня явилось то обстоятельство, что у дверей актов залы толпилось уже около 100–150 человек, явившихся после 10 часов утра и, подобно мне, тщетно пытавшихся проникнуть в залу для подачи прошения. К тому же толпа с каждым часом все более и более увеличивалась.

Все, разумеется, нетерпеливо чаяли, не отворится ли дверь; но время шло, а дверь не открывалась; пришлось поневоле подчиниться своей участи и ждать выхода начальства из залы. Наконец церемония приема прошений и осмотра документов в зале была окончена, ученый секретарь вышел из залы, но на просьбы и мольбы о приеме прошений всех толпившихся у залы лиц не обратил даже внимания.

Последним вышел из залы Инспектор студентов г. Песков. Его обступили со всех сторон и начали требовать приема прошений. Ему было заявлено, что опоздание на несколько минут против означенного срока не составляет преступления, за которое следует карать неприятием в Академию, что так как предстоит состязательный экзамен и если желают ограничить прием в Академию известным числом студентов, то правильнее всего было бы руководствоваться при этом успехами на приемных испытаниях, а не более ранней подачей прошения и пр.

Убеждения, видимо, подействовали, так как Инспектор ушел от нас, обещав переговорить, а вернувшись через несколько минут, приказал дать из канцелярии несколько листов бумаги и карандашей, на которых мы быстро начертали свои фамилии. Осмотра документов при этом уже не про-

изводилось; их предложено было подать по выдерживании испытания.

Кажется, через день были уже назначены экзамены, на которых из 700 с лишком состязавшихся оказалось поступившими на первый курс Академии несколько более 500 человек. Так как я был в числе выдержавших испытание, то меня также зачислили в число действительных студентов, а впоследствии при подаче документов о моих летах не возникало уже и вопроса.

Следует заметить, что состязательные экзамены, несмотря на провал около 200 человек, были не трудными. Они состояли из испытаний по математике, главным образом по арифметике и алгебре, по физике, латинскому и немецкому языкам и, кроме того, из подачи сочинения, написанного экспромтом на заданную тему. При этом требования по всем предметам были не высоки, что же касается сочинения, то в нем не столько обращалось внимание на содержание, сколько на правильность речи и грамматику. Поэтому и темы были незамысловаты. В большинстве случаев они были исторические, хотя попадались и с иным характером. Мне, например, пришлось писать на тему «Волга и ее значение в государстве Российском».

Несмотря на относительно легкость экзаменов, постоянные волнения, пережитые мною со времени выхода моего из гимназии до поступления в Академию, совершившегося лишь около 10–15 сентября, отразились чувствительным образом на моем здоровье: у меня развилась бессонница и общее нервное расстройство, вследствие которых я должен был поместиться в клинику проф. И.М. Балинского.

Здесь бессонница как бы сразу прекратилась и общее нервное расстройство совершенно оправилось в течение нескольких дней, благодаря чему я вскоре и был выписан из клиники.

Кстати замечу, что кратковременное пребывание мое в клинике проф. И.М. Балинского не осталось без влияния на мою судьбу. Здесь я близко познакомился между прочим с доктором И.А. Сикорским, ныне проф. Киевского Университета, с которым знакомство поддерживалось мною и после выхода моего из клиники. Обмен мыслей с этим, тогда еще молодым, врачом, приехавшим в Петербург для занятий психиатрией, в значительной степени повлиял на решение вопроса о будущей моей специальности.

Но, не забегая вперед, я поведу рассказ с самого начала о пребывании моем в Академии.

Последняя, открыв двери своих аудиторий для огромного числа слушателей, к сожалению, упустила из виду принять заблаговременно соответствующие меры как для поддержания порядка в аудиториях, так и вообще для дисциплинирования массы новых студентов. А дисциплинировать не мешало. Когда я в первый раз вошел в громадную, раскинутую амфитеатром, аудиторию анатомического Института, битком набитую новыми слушателями, моими сверстниками, то глазам моим предстала картина, которая не могла не поразить новичка, только что сошедшего с гимназической скамьи.

Значительное число студентов, наполнявших аудиторию, сидело в пальто или с пледом, накинутым на плечи, в картузах и в шляпах, между ко-

торыми изредка попадались и цилиндры; о костюмах нечего и говорить — это была поразительная смесь всевозможных одеяний, блестящих разнообразными цветами, начиная от русской поддевки, прикрывавшей красную косоворотку, и кончая всевозможных цветов блузами. Костюмы интеллигентного европейца в этой толпе составляли лишь относительно редкое явление.

При этом шум в аудитории от общего говора был такой, что трудно было слушать речь соседа. В довершение общей картины, большинство курило в аудитории самым неистовым образом, не смотря на навешенные повсюду надписи, запрещающие курить.

Уже с первого раза мне бросилось в глаза, что эта многочисленная толпа слушателей чувствует себя в аудитории полным хозяином. И действительно, когда к нам вошел Суб-Инспектор, то никто и не думал прекратить курить и снять шапки.

На замечание Суб-Инспектора, что в аудитории курить воспрещается, можно было заметить лишь улыбающиеся физиономии куривших. О снятии шапок Суб-Инспектор или постеснялся заметить, или считал делать замечания уже излишним. Последнее, я думаю, ближе к истине, так как и на вторичное предложение (не курить в аудитории) результат оказался не лучше первого.

Очевидно, совладать с такой аудиторией было не под силу одному Суб-Инспектору, при том отрицательном отношении ко всяким уставам и власти, которое проявлялось среди студенчества того времени. Хотя при поступлении в Академию ото всех нас были отобраны подписки под «честным словом» исполнять выработанные для студентов Академии правила и беспрекословно подчиняться всем распоряжениям начальства Академии, но и «честное слово» оказалось для многих не имеющим никакого значения, так как оно трактовалось как вынужденное.

Словом сказать, администрация заведения со своими правилами и подпискою под честным словом исполнять их в точности и подчиняться всем распоряжениям начальства Академии оказалась бессильною при первых же попытках с ее стороны внести порядок в аудиторию.

Но, упустив в первый момент, администрации было уже труднее выполнить свою роль, и дело свелось к тому, что во все последующее время мы были вполне предоставлены сами себе; если Суб-Инспектор иногда и показывался в нашу аудиторию, то разве для проформы, и, во всяком случае, боялся проронить слово во избежание каких-либо неудобных замечаний по его адресу; курение же и сидение в шапках и пальто считалось до того обычным делом для многих, что оно продолжалось и во время лекций профессора так же, как и во время перемен.

Конечно, если бы подобное отношение к делу имело характер простой распущенности нравов, то оно представлялось бы далеко не столь серьезным делом. Но, к сожалению, чувствовалось во всем, что в таком поведении обнаруживается намеренное пренебрежение всеми порядками, чувствовалось, словом, что масса студентов, только что вступивших в заведение, была уже так отрицательно настроена ко всему, что достаточно было

малейшего повода, чтобы такое настроение перешло в сильное брожение, приведшее к целому ряду студенческих историй и беспорядков.

И действительно, повод вскоре явился или, вернее, был найден. Ровно через год начались серьезные беспорядки в Академии, кончившиеся выходом одного из профессоров, — беспорядки, в которых наш курс принимал особенно деятельное участие, несмотря на то, что профессор, против которого они были направлены, ему был вовсе неизвестен как преподаватель. С тех пор беспорядки, или, вернее, студенческие истории, на нашем курсе сделались явлением хроническим, хотя они носили уже по преимуществу экзаменационный характер.

Само собой разумеется, что все эти условия отражались неблагоприятно на правильном ходе учебных занятий нашего курса, и потому многое приходилось пополнять собственными усилия-

ми. Про себя могу лишь сказать, что, поступив в Академию, я нашел в ней именно то, что служило моею мечтою еще в последних классах гимназии, а потому о переходе в Университет я перестал и думать, да и самый переход был уже невозможен. Занимался я всегда очень старательно, с любовью, хотя и не всегда усердно посещал лекции профессоров, благодаря увлечению чтением книг по тем или другим интересовавшим меня предметам.

Во время прохождения курса Академии мне, как, вероятно, и многим другим, приходилось последовательно увлекаться разнообразными предметами, пока это увлечение окончательно не склонилось в пользу психиатрии и нервных болезней. Занятия мои последним предметом начались собственно с 4-го курса, когда я получил разрешение посещать больных психиатрической клиники вместе с И.А. Сикорским.